

Раздел 2

ТРАДИЦИЯ: ПРОШЛОЕ В БУДУЩЕМ

Е. Н. Успенская

РОЛЬ ТРАДИЦИИ В ИНДИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Индийский человек не бывает одинок в мире и, как правило, не думает, что его жизнь бесцельна и бессмысленна. Он малая, но необходимая часть традиционного общества, пришел в этот мир далеко не случайно и еще до рождения наделен жизненными предназначениями и предусмотренными для него правилами жизни — теми самыми, которые есть у представителей его клана или касты-*джати*¹ и регулируются предписаниями индуизма. Английский миссионер У. Уилкинс писал: *«У индуистов религия важна не только для моментов времени и сезонов, она стремится регулировать их жизнь во многих отношениях. Она организует ритуалы, чтобы они были проведены от имени человека еще*

¹ Термин и понятие «каста» неизвестны индийской социальной традиции. Наиболее близка к описываемой европейской наукой «касте» структурная единица сообщества индуистов, которая называется *джати* (букв. 'рождение, родня'). В контексте предложенной темы термины «каста» и «джати» в некоторых случаях можно применять как взаимозаменяемые. Джати включает реальных и потенциальных, фиктивных и ритуальных родственников, обладателей «общей судьбы».

до того как он родился, и дает инструкции его потомкам, чтобы они могли обеспечить его благополучие после смерти. Она регулирует церемонии, сопровождающие его рождение, первые шаги его обучения, его пищу и приготовление еды, стиль одежды и используемую для нее ткань, профессиональную занятость, брак, развлечения — всю его жизнь, начиная от времени до его рождения и уходя вдаль до многих поколений его потомков. Религия старается регламентировать не только частную жизнь индуиста, но также его отношения внутри дома и в составе населения страны, и невозможны такие случайности и непредвиденные обстоятельства, для которых она бы не обеспечила правила и нормы» (цит. по: Chaudhuri 1979, p. 10).

Само рождение в качестве человека воспринимается как результат факторов и условий высшего свойства, особое благоволение богов, результат достойной кармы прошлых рождений и наивысшее жизненное предназначение. Воплощенный в нынешнем рождении человек наделен не столько правами, сколько большими обязанностями и огромной ответственностью перед теми невидимыми силами и законами, благодаря действию которых он явлен в этот мир, — и явлен для того, чтобы со своей стороны поддерживать существование мироздания праведной жизнью и проведением ритуалов. Индийские знатоки вопроса часто говорят, что в индийской традиционной культуре человек — такой же инструмент симфонического замысла творца-Брахмы, как и «обладающие качествами» персонифицированные боги. В своем человеческом воплощении индуист вписан в родственные круги, границы которых уходят далеко за горизонты нынешнего существования: они включают предков до четырнадцатого колена и потомков по крайней мере до третьего — и те, и другие учитываются в ритуалах, проводимых ныне живущими представителями индийского социума. Так каждый человек «встает» в давно существующую и воспроизводящуюся в поколениях свою социальную ячейку, «локализуется» в индийском времени и пространстве. Он оказывается и одним из «звеньев» в цепи бесчисленных рождений собственной души, и одним из представителей своего клана, и одной из клеточек социального организма. При этом, в сущности, неважно, кто и в каком качестве ныне существует:

важно, чтобы поддерживался «правильный», «предусмотренный Брахмой» миропорядок в его структурной целостности, и, как наставляет индийская поговорка, в нем было «место каждому человеку и каждый человек на своем месте». Во всех поколениях индийский социум должен являть собой реплику структурной матрицы кастового строя, и в каждом поколении должны воспроизводиться известные функциональные элементы традиционной социальной системы. В циклически повторяющихся представлениях вселенского «спектакля творения (*лила*)» у всех свои роли.

В индийской социальной культуре понятие традиции является определяющим и осмысливается в концепте *дхармы*. С помощью концепта дхармы фрактальная структурная матрица индийской культурной традиции может быть описана наилучшим образом. В характерном для брахманизма–индуизма осмыслении устройства мира с ведической древности существует понимание системности мироздания, а закон, отражающий системный принцип мироздания, есть *дхарма* («Закон мироздания» часто переводится как «закон жизни»). Дхарма понимается как закон структурирования космоса и ноосферы, охватывающий своим действием все многообразие божественных артефактов мира, все то, что мы называем природой, в том числе и разумную жизнь социума. «Дхарма — это социокосмический порядок» (Biardeau 1989, p. 29). Концепт дхармы является первым символом веры индуизма: в своем оригинальном, неевропеизированном названии эта религиозная система носит название «дхарма», которое часто употребляется с уточняющими эпитетами (вечная, существующая с незапамятных времен, индийская и т. д.). Унаследованное от первоучителей — мудрецов-риши — и от предков знание предлагает пути, сценарии и способы организации жизни индийского социума, гарантирующие возможность ненарушенного «вечного существования дхармы» как условия существования и воспроизводства этого социума (кастового общества) в череде веков и поколений. Эта сверхзадача вызывает к жизни действенные идеологемы традиционности и многочисленные и разнообразные механизмы и способы «поддержания», «сохранения», «укрепления» дхармы, «твердости в дхарме», «соответствия дхарме» и т. д., являющиеся орудием властного жреческого (брахманического) контроля над

ситуацией в обществе. Сам индуизм и иные индийские религиозные системы (джайнизм, буддизм, сикхизм), в том числе деривативные «еретические» антибрахманические учения (например, учение лингятов), являются «религиями дхармы». Их многочисленность и неортодоксальность — прямое следствие сегментированности кастового общества. Но все они учат, как жить в условиях действия вселенской дхармы, как соотносить свой образ жизни с законами причинно-следственной зависимости деяний и воздаяний (*карма*) и реинкарнации (*сансара*).

Дхарма вечная, безначальная, бесконечная — это монистический принцип, действию которого подчиняются все одушевленные насельники космоса, даже боги. Человеческое общество осмысливается как естественный компонент космического миропорядка, где каждый элемент, бесконечно большой и ничтожно малый, необходим в общей гармонии и имеет собственный участок ответственности в поддержании вселенской дхармы, то есть имеет «собственную дхарму» (*свадхарма*). Поэтому можно говорить о том, что дхарма сегментирована, и неудивительна ее собственная самоподобная модель: дхарма вселенская — дхарма страны — дхарма варны — дхарма касты-джати — дхарма клана-кулы; все эти уровни дхармы рассматриваются как «собственная дхарма» фрактальных компонентов мироздания. Всякая активность насельников космоса (в том числе и людей) должна быть сингармонична вселенской дхарме, собственная дхарма каждого компонента мироздания должна неукоснительно выполняться — и тогда универсальный мировой закон торжествует. Часто цитируется максима Законов Ману, важнейшего законоучительного трактата: «Дхарма не должна нарушаться, а иначе, нарушенная, она уничтожит нас» (Ману 1886, VIII.15). Вопрос состоит только в том, осознают ли компоненты мироздания необходимость соблюдать дхарму. Обладающие разумом существа должны и осознавать свою дхарму, и выполнять ее; научиться этому можно.

В этом панэнтеистическом представлении заключено индийское понимание вечности мироздания, осознание масштабов божественного замысла, понимание места человека и социума в нем и умение прожить свою жизнь «без утраты богоданных качеств», то есть чрезвычайно развитое в Индии умение поддерживать свое

существование «богоданными» умениями в кастовой профессии, заботясь о поддержании своей ритуальной чистоты в скверне мира и даже духовно совершенствуясь. Под иным углом зрения все эти представления могут рассматриваться как понятие о традиции *парам-пара* (букв. 'непрерывный поток, последовательность, традиция') в индийской культуре. Традицию нужно унаследовать или получить от наставника, учит индуизм. Первый вариант передачи традиции характерен для отношений «отец—сын» (традиция семейной преемственности *вамшавали*), и наиболее ярко она проявляется в индийских кастах-джати с их «собственным образом жизни» и наследственной профессиональной специализацией. Во втором варианте — «наставник—ученик» — это духовная традиция *сампрадая* (букв. 'передача'); духовная преемственность может быть представлена как линия ритуала и псевдородства *готра* у брахманов, как община последователей-учеников учителя (гуру или свами), в том числе и как линия учительства в духовном ордене (сампрадая). Идеальной считается ситуация, когда традиция передается в кругу тех, кому «наставник как отец». Парам-пара — это цепь взаимосвязанных человеческих существований, восходящая к самым первым известным культурным героям и богам (например, к Раме). Они выстраиваются как генеалогические и квазигенеалогические линии, этих линий множество, и каждая представляет собой или родственный клан с его наследуемыми ценностями, или формируемую под влиянием личной воли задействованных персон цепочку передачи в поколениях какого-то действенного знания, особого способа применить к обстоятельствам существования, устанавливать контакты с высшими силами и в целом наладить жизнь, соответствующую дхарме. В этом смысле традиция — это «путь» жизни, и знание о нем передается от наставника к восприемнику. Основное свойство такой традиции — обеспечение «вечности», «неизменности» бытия взаимосвязанных сегментов социума в веках и поколениях. И она культивируется и возвращается как основной инструмент стабильности в однажды обретшей равновесие сложноорганизованной системе.

Индийское традиционное (кастовое) общество документированно существует не менее 26 веков, и его самые ранние описа-

ния представляют вполне узнаваемый по нынешним наблюдениям общественный строй. Сама социальная модель касты является воплощением традиционности: в ней субстантивированы восходящие к первобытности архетипические формы социального взаимодействия и общественного сознания. Брахманское жречество через морально-этический императив религии и весь идеологический ресурс индуизма поддерживает воспроизводство кастового строя в череде веков и поколений, поскольку видит в нем эффективный механизм власти и консервации неравенства. Традиционность индийского жизнеустройства доведена до крайних степеней и порой выглядит граничащей с абсурдом, как это наблюдается, например, в вопросе кастовой профессиональной специализации. Ведь есть тысячи и тысячи семей, которые будут настаивать на том, что они занимаются давно исчезнувшими профессиями, и тысячи и тысячи таких, кто ни за что не станет осваивать новые занятия. Эти нововведения рассматривались бы как нарушение религиозных императивов, чреватое катастрофическими последствиями не только для кармической судьбы собственной души, но и для всего мироздания.

Понимание социального измерения дхармы представлено учением *чатурварнашрамадхарма* (букв. ‘четыре варны и четыре стадии жизни’). Это учение кодифицирует «собственные законы жизни» бесчисленных кастовых общностей-джати, объединенных в четыре статусные категории-варны, и четырех возрастных категорий полноправной мужской части социума; этот закон отражает дробную сегментированность кастового общества. Ячейки традиционного общества представляют собой капсулированные касты-*джати*, квазиплемена, составленные в целях брачного взаимодействия из клановых сегментов. Все джати, как считают индийцы, имеют «богоданное жизненное предназначение», свою профессиональную специализацию в континууме насельников космоса, придающую каждой из них особенный смысл существования; все джати обязаны помогать друг другу в налаживании экономических условий жизни, обмениваясь трудом и услугами. Гладкое, без шероховатостей и неожиданностей, взаимодействие дробных компонентов общества, как считается, гарантирует благополучие общества в целом и, кроме того, способствует поддер-

жанию гармонии во Вселенной. Таковы архетипические начала кастовой традиции, унаследованные от архаических форм общественного сознания и социального взаимодействия. Под влиянием кастовой идеологии в кастовом обществе и сегодня осуществляется виртуозная ограничительно-распределительная регламентация в общественном разделении труда, в доступе к природным ресурсам и ценностям культуры, сопровождаемая адресными религиозными наставлениями отдельным *джати* и кланам, в которых детально фиксированы их права и обязанности (а именно комплекты предписаний *свадхарма*).

Слово «дхарма» производно от санскритского корня *dhr/dhar-* ‘держать’ и может быть истолковано как «основа жизни», а также как «закон, обязанности, справедливость, религиозный долг». Сюда входят моральные правила, этические нормы, верования, культовые практики, обряды и традиции, которые в конечном счете призваны поддерживать и воспроизводить стабильный социальный и соответственно космический порядок. Все санкционированные индуизмом в лице жрецов-брахманов феномены общественной и духовной жизни, такие как магические обряды или ведические культовые ритуалы, нормы этикета и поведения, общественные предписания и запреты, даже трудовая деятельность, призванные укрепить космическую гармонию и кастовый социальный строй, способные противостоять разрушительным тенденциям, грозящим системе изнутри и извне, составляют дхарму. Это совокупность освященных религией правил и обычаев, соблюдение которых («закон») является необходимым для поддержания миропорядка; этот миропорядок драматическим образом нарушается, если насельники космоса не выполняют свою дхарму.

В дробно сегментированном кастовом обществе верифицируется множество нормативных форм культуры жизнеобеспечения и соответствующее им множество «путей» следования дхарме. Поддержание нормативного образа жизни сегментов кастового общества возведено в ранг религиозного императива, формулируется как следование закону жизни — дхарме — и конкретизируется для каждого клана (семейно-родственной группы) и касты-джати. На этом пути нужно совершать лично или заказывать

брахману весь спектр ритуалов. Нужно трудиться, но любая трудовая деятельность, по мысли брахманских идеологов, есть вмешательство в результаты божественного творчества и поэтому должна сопровождаться ритуалами и магическими предосторожностями. Это особенно относится к труду ремесленника. Производство продуктов питания, изготовление и употребление пищи — тоже обрядовая практика, и она подробно регламентирована для разных каст-джати. Гигиенические процедуры строго ритуализованы и т. д.

Вся жизнь человека рассматривается в этой системе представлений как один непрерывный ритуал, одно большое жертвоприношение, призванное способствовать поддержанию нормального течения дел — восходу Солнца, росту Луны, смене времен года и развитию растений, рождению детей и благополучию праотцев в загробном мире и т. д. Выполнение собственной дхармы — это ритуал длиною в жизнь не только потому, что необходимых обрядов и ритуализованных ситуаций бесконечно много и на их проведение могло бы уйти все время, но и потому, что всякая активность, любые жизненные проявления и даже частности физиологического характера в той или иной ситуации или под тем или иным углом зрения рассматриваются как своеобразное жертвоприношение богам или как необходимые элементы дхармического порядка. Выработаны строжайшие принципы и правила кастового общежития и взаимодействия. Социальное взаимодействие в труде и в быту построено на стремлении минимизировать общение¹. В своем поведении на этом полном опасностей жизненном движении индуист руководствуется традиционными навыками и представлениями. Колебания в системе считаются смертельно опасными для нее, поэтому жрецы и наставники — брахманы, а также глава семьи и рода жестко контролируют ситуацию, чтобы не было разрушительных отклонений.

Нормативные, то есть «соответствующие дхарме», модели жизненного пути кланов и джати вербализуются и преподаются

¹ Стремление каст минимизировать контакты с «чужаками» доходит до сегрегации целых общественных слоев, прежде всего так называемых «неприкасаемых».

индуистам в адресных религиозных наставлениях — джати-дхарма («закон жизни джати») и кула-дхарма («закон жизни семейно-родственной группы»). У всех социальных групп кастового общества фактически «свой индуизм», то есть специализированный и конкретизированный комплекс культовых предпочтений, жертвоприношений и ритуалов, обрядов самскара, которые совершаются в переходные и кризисные периоды жизни человека, брачных законов, права наследования, регламентации взаимоотношений между мужчинами и женщинами, родителями и детьми, учителями и учениками; даже определение греха и праздники разные. Все эти культурные особенности становятся дифференцирующими признаками разных джати, основой самоидентификации каждой джати как «уникального вида» людей, природно специализированного для выполнения определенной работы в общественном разделении труда.

Джати-дхарма сакрализует «врожденную» традиционную профессию (занятие) каждой джати, расценивая ее как долг этой джати перед обществом. Только предписанная джати-дхармой, то есть санкционированная обществом, трудовая деятельность рассматривается как акт религиозного благочестия длиной в жизнь, и само выполнение джати-дхармы делает человека практикующим индуистом. От него, если он не брахман, не требуется сосредоточенности на выполнении ритуалов у алтаря: его дхарма состоит в качественном исполнении своих трудовых обязанностей на благо кастового сообщества. Правильное взаимодействие разных джати гарантирует существование общества в целом и способствует поддержанию гармонии во Вселенной. Так осмыслиется разделение труда в кастовом обществе.

В итоге налаживается комплементарное участие локальных групп разных джати и каст в создании экономических условий существования, поддержании порядка и выполнении ритуалов, то есть в обеспечении самодостаточной гармоничной жизни на началах взаимопомощи, причем далеко не только в деревне, но и в городском квартале и заморской иммигрантской группе, тут же становящейся общиной. Это трактуется как «взаимопомощь» — *дждаджмани* — и прямо предписывается всем соблю-

дающим дхарму «компонентам мироздания» как моральный долг, поэтому кастовая община формируется и воспроизводится везде, где есть хотя бы две семьи разных джати. В целом требования джати-дхармы производят на стороннего наблюдателя тяжелое впечатление необычайной, мелочной регламентацией бытовых ситуаций и житейских взаимоотношений, «несвободой».

Родившись в джати своего отца или своей матери (при матрилинейном счете родства), человек получает свою давным-давно сформулированную джати-дхарму, которую начнет выполнять с момента инициации в общество через обряд «второго рождения», если он принадлежит к высоким варнам. В детстве у мальчиков нет дхармы, и они в принципе не должны быть культурными. На них не налагается требование проводить очистительные обряды, им не предписываются ограничения в диете, требования соблюдать ритуальную чистоту, и, конечно, они не участвуют в проведении ритуалов. Но они ни в коем случае не ограждаются от принятой в семье традиции и к моменту инициации должны вполне усвоить ее. В варне шудр инициация не проводится, и мальчики с раннего возраста осваивают премудрости семейной профессии, посильно помогая родителям. Таким образом, многие правила своей джати-дхармы человек знает с детства и в соответствии с ними ведет себя во всех мыслимых жизненных ситуациях, в труде, быту, общении, устройстве брака для себя и своих детей.

«В своей ненасильственной, но тем не менее в высшей степени эффективной манере кастовые панчаяты и лидеры многочисленных *сампрадая* всегда осуществляли контроль над своими подчиненными, внимательно наблюдая, следя за каждым их шагом и постоянно проводя свои идеологические установки и взгляды. Если необходимо — то через накладывание наказаний или изгнанием из социальной группы. Индуизм может казаться очень неопределенным и в высшей степени толерантным постороннему человеку, не входящему в этот круг. Но находящийся внутри общества человек должен приспособливаться к очень скрупулезным регламентациям жизни в составе своей группы» (Klostermaier 1989, p. 59).

Такое положение дел воспринимается иностранцами как невероятная степень традиционности жизнеустройства. В общей

теории касты эта сторона жизни кастового общества обычно описывается как «кастовый режим» или «обычай касты». И это, конечно, не просто вопрос адекватной терминологии. Влияние и роль джати-дхармы гораздо значительнее, чем просто регламентация поведения: она, в сущности, представляет собой социально-регулятивный аспект индуизма. Джати-дхарма направлена на воспроизводство кастового общества во всей полноте его «созданного брахманом» состава и спектра полезных для общества «жизненных предназначений», то есть профессий и обязанностей в разделении труда; она ориентирована на поддержание всего комплекта бесчисленных одушевленных существ в гармонии природы и на поддержание природы как среды обитания социума. Связанная с ней система идей формирует кастовое общество таким, каким мы его видим.

Кула-дхарма («закон жизни клана») связана с традиционными приоритетами клановых структур в культовой практике и их обязанностями в этой сфере. Она относится к тому кругу религиозных представлений и тем видам обрядов и ритуалов, которые реализуются в семье и чаще всего определяются в литературе как «религиозная практика индуизма», хотя индуизм этими аспектами влияния не исчерпывается, о чем сказано выше. Вполне равноправное существование многих и разных моделей религиозного благочестия в индуизме возможно именно благодаря учению о кула-дхарме. Спектр вариантов культовой практики и самих культов в индуизме феноменально широк, потому что они рассматриваются как традиции клана, которые необходимо поддерживать из уважения к предкам и богине-покровительнице клана. Правила экзогамии относятся к сфере кула-дхармы.

Бесчисленные поколения людей находили смысл в следовании дхарме своей варны и джати и утешались этими мыслями в непростых обстоятельствах собственного существования, надеясь на воздаяние в следующих рождениях. Но в современных условиях молодые индийцы, особенно из среднего слоя кастовой иерархии и особенно те, кто живет в крупных городах, обучен профессиям, которые требуют хорошего образования и современной «западной» ориентации, испытывают в связи с властью древ-

них традиций сильные переживания, доходящие до степени кризиса идентификации.

Социально-моделирующее значение концепта дхармы трудно переоценить; он же ответствен за этнокультурную множественность кастового общества и воспроизводство кастовых статусов. Традиционный («богоданный») образ жизни каждой из многочисленных джати сообщает им, как говорит индуизм, «сущность», то есть идентичность. Образ жизни джати предопределяет ее социальный статус. В соизмерении кастовых статусов выстраиваются паритетные и иерархические схемы общения, столь характерные для кастового строя общества. Здесь вступает в действие важнейший концепт практического индуизма — понятие «культура, *санскрити*» в ее противопоставлении «первозданности, натуре, дикости *пракрити*». Культура — это понимание дхармы и умение следовать «неотменимым, вечным и безусловным» законам дхармы по одному из нормативных традиционных «путей». Но поскольку кастовое общество дробно стратифицировано, на шкале культурности выстраивается иерархия социальных сегментов, и главный параметр в иерархическом ранжировании кастовых общностей — уровень культурности их образа жизни, который определяется по множеству проявлений. Одно из самых важных измерений — уровень «понимания дхармы»; наивысший из возможных наблюдается у брахманов. «Культурные» сегменты биосоциального континуума, а именно представители высших «дваждырожденных» варн жрецов-брахманов, воинов и правителей кшатриев и вайшьев, посредников в движении продуктов труда низших варн к высшим, имеют особенное предназначение: как люди, по определению понимающие законы дхармы, они осознанно поддерживают ее всеми своими деяниями. Все остальные, по определению «некультурные» представители варны шудра и тем более «неприкасаемые», должны подчиняться наставлениям и правилам жизни, выработанным для них брахманами и правителями.

Правильное понимание дхармы не допускает никакой самодеятельности. Индуист (особенно это относится к представителям высших «дваждырожденных» варн), если он хочет, чтобы его карма была хорошей, как человек культурный, руководствуется

квалифицированными советами и предписаниями жрецов, знатоков брахманических законов и наук-*шастр* и иных «патентованных» знатоков обычаев. Жрецы буквально «ведут» свою паству по жизни, внушая им наставления, как жить и совершать ритуалы, как вести себя, чтобы торжество дхармы не подвергалось опасностям со стороны неразумных, не окультуренных знаниями людей. Это «жизненное предназначение» жреческой интеллектуальной элиты общества в континууме дхармы и оплачиваемая социумом работа, способ обеспечить себе средства к существованию в кастовом разделении труда. Поэтому они не ленивы и не манкируют своими обязанностями: укрыться от их контроля чрезвычайно нелегко, и они находят тысячи способов получить вознаграждение за свой «жизненно важный» совет. Общее положение дел таково, что и любой представитель варны брахманов, и небрахманские наставники-*гуру*, и «святые люди» *свами*, и иные находят своих благодарных учеников и искателей истины, которым они могут преподавать уроки нравственности, вести их по пути духовного совершенствования и т. д. В индийской культуре значение наставников, учителей, преподавателей, передающих свои практические знания и опыт духовности, чрезвычайно велико.

В мире индуизма не принято формулировать собственные правила существования. Индийское традиционное общество обладает высокоразвитой рефлексией собственного бытия, представленной не только в брахманическом жреческом знании, но и в народных традициях существования. В сущности, оно представляет собой осмысление однажды найденных ответов на вызовы окружающей природной среды с ее многообразными агрессивными факторами (джунгли, муссоны, тропическая жара и тропические болезни, опасная фауна) и проблемы социального общежития (этнокультурное и расовое многообразие, перенаселенность, внешние вызовы). Управленческие умения брахманов явились результатом многовекового взаимного обмена в идеях и практическом опыте со жрецами доарийских автохтонных культов Индостана.

Спектр объяснений важности традиции широк. Высококультурные индуисты знают, что древние мудрецы-*риши* передали

людям наставление в дхарме, услышанное (букв. *шрути*) от богов, и это наставление сохранилось в гимнах священных Вед¹ и кодифицировано в дхармашастрах (законодательных трактатах «науки о дхарме») и иных комментаторских текстах. В невысоких джати в ходу объяснения из разряда «наши предки так жили, и все было хорошо, почему бы и нам не поступать, как завещали предки». Брахманы — как отцы всему обществу, но их влияние не во всех социальных слоях равноценно. В высоких кастах-джати насаждается модель полной подчиненности указаниям жреца — домашний ритуалист *пурохит* и интеллектуальный наставник *пандит* активно стремятся контролировать все частности жизни семьи, ссылаясь на требования Вед и шастр. Для средних и невысоких каст, второго и третьего типа традиции, определяющим является так называемое «поведение старых» (*вриддхачара*), старших членов кастового коллектива, наиболее уважаемых людей, которые знают, что подходит для конкретного времени, места и ситуации именно для данной касты-джати. Индуист уже в детстве, в семье и потом у наставника-брахмана (если он высокой касты), узнает правила своей дхармы и в соответствии с ними ведет себя во всех жизненных ситуациях: в труде, быту, общении, а потом и в устройстве брака для себя и своих детей. Он поддер-

¹ Веды, букв. ‘знание’ (слово родственно нашим *природо-ведение*, *ведуну* и т. д.) — четыре книги священного знания, составленные индоариями к началу I тыс. до н. э., долгое время передавались изустно. Брахманы считали и считают их главным своим достоянием и, в общем-то, не хотят делиться им ни с кем. Их преподают во всей полноте или частично брахманам, немного — кшатриям, совсем чуть-чуть — вайшьям, а остальные могут только присутствовать при чтении мантр. Женщины не изучают Веды, в этом отношении они приравнены к шудрам. Эти тексты считаются священными книгами индуизма — в них содержатся молитвенные формулы *мантры* и правила проведения ритуалов. Они рассматриваются как Божественное откровение, некогда «услышанное» древними мудрецами-риши, переданное ими людям и сохраненное поколениями брахманов изустно. Это источник познания Дхармы. Но они составлены на санскрите — языке, который не-брахманы, в общем-то, не понимают, ему немного обучают еще кшатриев, но те гордятся своими воинскими умениями и не любят корпеть над книгами.

живает принятый в семье вариант культа и ритуала, почитает тех же богов и в те же дни, совершает паломничества в те же храмы и к тем же тиртхам, слушается тех же наставников и учителей, что и его отец, дед и прадед, и передаст эти традиции своим сыновьям и внукам. Даже в условиях модернизации общественного быта традиция торжествует: культурные нормы той социальной группы, к которой человек принадлежит по праву рождения, становятся его собственными и обязательными к исполнению, и коллектив родственников строго следит за тем, чтобы все его члены соблюдали законы предков. В кастовом обществе отношение человека к религии и его «жизненный путь» жестко predeterminedены.

В усваивании наставления какой-то линии наставников-гуру (и дальнейшей приверженности ему) передается культура жизнеобеспечения, модель религиозного быта и тем самым воспроизводится кастовый статус. Иерархия сегментированных традиций в образе жизни, культе и ритуале такова: высшая брахманическая санскритская, опирающаяся на Веды; характерный для шудр несанскритский дробно сегментированный домен учительских традиций *бхакти сампрадая* (последователи небрахманских учений) и некодифицированные и неverified текстами народные «некультурные», несанскритские обычаи и верования. Все они сообщают практикующим их группам соответственный статус в обществе. Язык традиции (вечный «язык богов» санскрит или разговорный региональный), сами «комплекты» верований и особенности «личности» почитаемых богов ставят учительскую проповедь «пути» жизни и связанную с нею культовую практику либо в ряды хорошо санскритизированной великой традиции, либо, напротив, в огромный густонаселенный несанскритский домен малой традиции. В великой традиции индуизма верование или культовая практика, ритуал, жизненное наставление могут быть возведены или «привязаны» к высшему знанию Вед и шастр, они действительны для всех индуистов, комментировать и интерпретировать их должны брахманы, проводить эти ритуалы должны только брахманы. В этой традиции установлено, что «следить за порядком» в поддержании дхармы и требовать выполнения кастовых регламентов должны кшатрии — «воины

и правители», многочисленная и исторически очень сильная категория кастовых общностей. Малая (буквально «мирская *лаукик*» или «провинциальная *деши*») традиция, как ясно, — народные, не верифицированные текстами, но не менее действенные. В этом огромном социальном слое, где изучение Вед невозможно, а присутствие на ритуалах ничего не дает уму, потому что люди не понимают языка санскрита, существует огромная культура неведических учений, в основе своей доарийских, но со временем усвоивших базовые магистральные концепты брахманизма: учение о дхарме, карме, перерождении душ. Потомки автохтонов Индии, состоящие в невысоких кастах, и сегодня их исповедуют. Эти религиозные школы создали сам индуизм: добавили к ведическим представлениям и мир богов, и мифы, и ритуалы, и практики. Брахманы заимствовали все это богатство и в своих религиозных книгах представили свою трактовку образов, мифов, культовой практики. Но не допускают в свой жреческий слой знатоков этой культуры. Это способ сохранения власти.

Народные сампрадая развиваются на разговорных языках. Для людей, выросших в этом слое дхармы, никакая ортодоксия невозможна в принципе, и они следуют семейным традициям жизненного пути, принимают линию какого-нибудь известного учителя. Это обычно те направления и секты, которые выросли вокруг учения какого-нибудь новоявленного «святого», не обученного санскриту и не знающего священных книг, но талантливого, природного мыслителя и реформатора. Таких в индийской культуре всегда немало, и они оставляют после себя коллективы последователей. История показывает, что только в высшей степени умный, харизматичный и волевой человек может осилить предопределенность кастового строя, в котором считается, что только брахманы имеют право думать о высоком, формулировать свои мысли и уж тем более учить и наставлять людей. Если человек не родился брахманом, то должен выполнять «врожденную» трудовую повинность своей касты. Но история говорит, что такие учителя (гуру и свами), за которыми пойдут ученики, готовые последовать за ним даже на смерть, находились. Буквально на смерть шли за своими гуру, например, сикхи, которые и сегодня являются одной из самых сильных и сплоченных этноконфессиональ-

ных общин Индии. Такие религиозные течения обычно формулируют веру в имманентное знание, просветление, могущество преданной любви и растворенности в любимом божестве (бхакти), учат, что в этих полных внутренней глубины и чувственного восприятия отношениях между верующим и его все понимающим, простирающим на него свою защиту Богом не нужны ни посредники-жрецы, ни внешняя атрибутика культа в виде особых ритуалов или жертвоприношений, ни паломничества, ни чтение священных книг. Они обычно проповедают путь дхармы «в простоте будничных дел».

Способы передачи брахманической информации также подчинены действию принципа дхармы — каждому свое. Градация уровней доступности знания очень дробная, и параметры «дозволенности» очень разнообразны, но общая ситуация такова, что лишь брахманы могут знать, как устроен этот мир. Графически модель индийского общества может быть представлена не как остроконечная пирамида линейной иерархии, как это следует из популярной ныне концепции Л. Дюмона (Dumont 1988), а опять же как фрактальная система концентрических кругов. В центре этой системы находится «солнце» ведической культуры в лице сообщества брахманов, окруженное периферическими все менее и менее санскритизированными слоями разнородного, многоэтнического инокультурного населения, включенного в небрахманские варны кастового общества и даже оставленного за его пределами как «неприкасаемые». В этих орбитах движется множество «астероидов» и малых планет индийской культуры, и каждая сохраняет свою самость («собственная дхарма» *свадхарма*), но немолимо поддается притяжению Веды и брахманического знания. Веда и вообще литература на санскрите представляют собой тип тайного знания для рафинированных брахманов, это ядро культуры, квинтэссенция духовного развития. На удаленной периферии мира индуистской культуры стоят низкие джати и предназначенные для них театрализованные представления бродячих артистов на эпические и мифологические сюжеты, даваемые на местных языках и диалектах, они служат для этого слоя кастового общества каналом получения знаний из источника индуизма. *Пураны* с их мифическими историями о чудесах святых и бож-

ственных персонажей читаются знатоками текстов в храмах или около них по определенным праздникам и поводам. Так выглядит освоение космологии и метафизики индуизма в «народном индуизме».

Сами праздники строго структурированы: у брахманов это ритуал у алтаря длиной в жизнь, у всех остальных в соответствии с их дхармой и статусом количество ритуала у алтаря все уменьшается и увеличивается количество ритуала у «рабочего станка». Небрахманские джати обеспечивают материальные основания жизни — в этом состоит их дхарма. Им разрешается не забывать о почитании своих предков и присутствовать на ритуалах, которые брахманы проводят для своих богов. К какому варианту брахманического или небрахманического пути следования дхарме «пристанет» семья, давно решили ее предыдущие поколения. Изменить почти ничего нельзя: джати-дхарма и кула-дхарма священны. Становится понятно, каков социальный ресурс для новых учений. Неслучайно в новейшую эпоху самые яркие и наиболее вразумительно вербализованные из них (как правило, крайне эклектичные) ориентированы на иностранцев.

Можно говорить, что индуизм является высокоэффективной жреческой (брахманической) социальной технологией, контролирующей системные принципы и религиозно-психологические уровни воспроизводства организации *джати*. Традиция наряду с адресными религиозными наставлениями является важнейшим механизмом сохранности и воспроизводства кастового строя.

Библиография

- Biardeau M.* Hinduism: the Anthropology of Civilization. Delhi, 1989.
Chaudhuri N. C. Hinduism. A Religion to Live By. New Delhi, 1979.
Dumont L. Homo Hierarchicus. The Caste System and its Implications. Complete Revised English Edition. Delhi, 1988.
Klostermaier K. K. A Survey of Hinduism. N. Y., 1989.
Manu. The Laws of Manu (Manu-smṛiti). Tr., G. Bühler // Sacred Books of the East. Oxford, 1886. Vol. XXV.